

© 2026 О. В. Кириченко
Москва, Россия

ПРАВОСЛАВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И ОБИХОДЕ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. Статья посвящена критериям, по которым определяется православная принадлежность русских людей в современной городской среде. Важность первичных церковных критериев (таких, как крещение и приобщение к Церкви через миропомазание) сегодня не всегда учитывается социологами, не всегда становится объектом анализа в вопросах конфессиональной атрибуции. Между тем современный исследователь, изучая православную религиозность в ее практическом выражении, сталкивается с большим разнообразием форм ее проявления, которые сложно объяснить, если отталкиваться только от цифр, указывающих на церковность и нецерковность как главные маркеры для определения двух групп.

Ключевые слова: современное православие у русских, церковные таинства, крещение, миропомазание, обрядные формы проявления православной религиозности.

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Православие в современной жизни и обиходе русских людей // Традиции и современность. 2026. № 44. С. 63–77

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Victorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 44. С. 63–77
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 2-43; ББК – 86.372.24-605.5; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-44/63-77>

Статья ставит важную, на наш взгляд, проблему поиска объективных критериев для выделения категории «православных верующих людей», поскольку существует несколько подходов: социологический, догматический церковный, визуальный, опирающийся на практику и ряд других. Мы хотели бы остановиться на важности догматического критерия для определения совсем не формальной религиозной принадлежности человека.

1. О терминах. Кого нам привычно называть православными? Если следовать формальным критериям, то таких людей не очень много. То есть глубоко укорененных в церковной жизни, понимающих достаточно ясно богослужение, содержание и смысл семи церковных таинств, в общем, владеющих азами христианского учения. Однако, если следовать не формальным признакам православности, то есть религиозной просвещенности человека, которая всегда была и будет разной даже среди церковных людей, а следовать более простым, но емким и, главное – смыслообразующим критериям принадлежности человека к православно-христианской традиции русского народа, то картина, конечно, будет другая. Критерии: а) крещение человека в Православной Церкви и приобщение его к Церкви через таинство миропомазания; б) наличие у человека православной веры, которая не отвергает ни учения церковного, ни Церкви, ни православной русской традиции, но принимает ее как свою, родную, начало которой положено крещением 989 г.; в) и наконец, признание того, что «русская православная вера» тесно связана с национальностью (этничностью); что благодаря включению в этническую жизнь русского народа православная вера прошла свой самобытный исторический путь и приобрела индивидуальное лицо. Опираясь на эти признаки православной принадлежности русских, мы имеем более фундаментальное и объективное основание для современного изучения православия у них. Ведь сегодня религиозная сфера в минимальной степени маркирует человека, находящегося в широком общественном пространстве, и если руководствоваться этой сугубо формализованной и нейтральной, как правило, маркировкой, то мы почти не увидим признаков религиозной идентичности. Она старается не проявлять себя по многим причинам. Но это не значит, что люди, разделяющие православные религиозные ценности не как *знания* (религиозная просвещенность), а как *принадлежность* к определенной религиозной реальности, не православны. Они православны, но только не по современным (формализованным) критериям, а по традиционным, в том числе народным критериям. Крещен, принимаешь

и разделяешь веру и традицию, считаешь свою веру не только православной, но и русской, значит – ты член русского православного сообщества, русского народа. По современным – формализованным – критериям, православности не нужны ни история (и русскость), ни традиция, нужна лишь хорошая научная база знаний о православии, при формальности, конечно, крещения и т. д. Церковность, в данном случае, рассматривается не в традиционном смысле – как опыт, как практика, следование традиции – а как форма владения церковными знаниями, указывающая на принадлежность человека к Церкви. Подобный взгляд имеет антропологическую природу, он исходит из презумпции невиновности *человека* и виновности всех *коллективных социальных форм*: семьи, общества, государства, и конечно, народа. Народ (как этнос) не может быть православным, он может быть только единым в своем гражданском качестве, как нация, где все определяется состоянием единичной, личностной ответственности перед законом. Для нашего очерка критерием православный/неправославный мы делаем традиционный, не антропологический, взгляд на религию, Церковь и народ (этнос).

2. Трансформация понятия «великороссы» в понятие «русские»

Возникновение термина «великороссы» относится к XV–XVI вв., и связывают его появление с установлением в стране единодержавия, централизованной власти с центром в Москве. До этого наиболее употребительными, судя по летописям, были термины «русичи», «русские». Если «русичи» и «русские» коррелировали с Русской землей – наиболее распространенным до XVI в. обозначением России как государства, то «великороссы» уже сопрягались с термином Россия/Великороссия/Московия, строго означая государство, а не территорию и наследницу римской державности, главным образом Второго Рима – Византии. «Россы» было греческой калькой со слова Русь, на Руси и в более раннее время такое название (в греческой огласовке) было известно. Но приняли на Руси его к сведению, лишь когда Византия в 1453 г. была завоевана турками-сельджуками и перестала существовать. Обычно сравнивают Великую Россию – Московию XV–XVI вв., с Малой Россией и другими «россиями/русскими» западнорусской ойкумены: Красной, Черной, Червонной и Белой. Малая Русь выделялась из прочих тем, что была прародительницей Великой Руси. Все это были «книжные термины», то есть появившиеся из чиновничьего, дипломатического языка Московской Руси, но ставшие государственными и, значит, со временем общеупотребительными. Такое обозначение, как Великороссия, не было

привязано к размерам, а появилось, скорее всего, из факта державной преемственности от Византии. Никаких законодательных актов, утверждающих новое название «великороссы», не было и быть не могло. Название утвердилось в процессе постепенной практики так же, как постепенно «Русская земля» была заменена «Россией»/«Московией»/«Великороссией» – несколькими терминами, которые постепенно сменяли друг друга.

Обозначение «великоросс» как территориально-гражданский идентификатор просуществовало вплоть до революции 1917 г., в советских делах репрессированных граждан еще в 1920-е годы встречается в графе «национальность» обозначение «великоросс». Нет ни одного крупного партийного или советского постановления, в котором бы запрещалось называться великороссом. Но сам термин «великоросс» попал под осуждение из-за приставки «велико» как обозначения великодержавного национализма, осужденного В. И. Лениным в ряде его статей (*Ленин* 1970а, 1970б, 1973), а затем получившего такую же оценку на нескольких партийных съездах. Вплоть до начала 1930-х годов в партийных документах утверждалось, что «великодержавный великорусский национализм» является одной из главных опасностей для СССР. Соответствующим образом в 1920-е годы велась национальная политика, в которой преобладала прямая дискриминация русского народа, как народа, прямо ответственного за прежний царский режим и «угнетение» при нем малых народов (*Кириченко* 2020: 352–376).

Таким образом, превращение великороссов в русских происходило не в результате какого-то одного запретительного закона, а в процессе реализации советской национальной политики 1920-х годов, масштабно репрессивной по отношению к русским (к сословиям, включая крестьянское, к религии – православию, к русским традициям, культуре и т.д.), которая была направлена (в указанном контексте «великоросс/русский») на умаление русского этнического самосознания, усвоения комплекса вины за дореволюционное прошлое, на терпеливое отношение к советским репрессиям, советскому рабскому труду, разрушению православно-русских традиций и православной церковности. Эти сверхэнергичные и радикальные меры и позволяли *естественным образом* снять приставку «великий» в этнониме великоросс так, чтобы ни у кого не вызывало сомнения, что это необходимое государственное дело. Большевики в своем опыте «зачистки» русского национального пространства были наследниками тех, кто уже до революции пытался разрушить объективное положение государствообразующего народа в стране. Поэтому еще до 1917 г. имперская власть пыталась укрепить русский – стабилизиру-

ющий страну – фактор, но сепаратистские (национально-религиозные) и революционные силы, со своей стороны, мешали этому, создавали ложный миф о русском народе, исповедовали русофобию. К сожалению, это были представители образованной и высокообразованной части общества, нередко люди со средствами, так что они успели подготовить к 1917 г. определенную атмосферу глубокой неприязни к народу, пребывающему, по их мнению, в монархических иллюзиях, церковному, общинному, потребительски относящемуся к революции. Современный научный дискурс в рамках данной тематики также не чужд этой советской традиции «умаления» русских, чтобы к ним не вернулся вкус к великодержавности.

3. Православие в народной жизни.

К религиозной жизни православных русских как народа (этноса) следует относить самые широкие формы проявления религиозности, практически все имеющиеся сегодня в наличии и относящиеся к Православию как вере, Церкви и традиции. Православие – это вера, Церковь и религиозные (духовные) традиции, в народном понимании религии как таковой.

Определенная часть русских, живущих в России, постоянно ходит в храм (на вечерню, всенощную, Божественную литургию). *Церковная форма* проявления религиозности наиболее емкая, аутентичная вероучению в его теории и практике; она включает в себя, помимо прочего (внецерковного), сознательное, постоянное и целевое участие в церковной жизни, что можно считать ядром усвоения религиозности. В воскресные дни на литургии часть прихожан всегда исповедуется (таинство) и причащается. Причастие Тела и Крови Богочеловека Иисуса Христа является главным таинством Церкви. Поэтому к литургии особое внимание, особый праздничный настрой – в одежде, поведении, настроении. После литургии небольшая часть участвует в поминальной литии об усопших, коротенькой, минут на 10–15 службе, где поминаются по запискам сродники. Обязательно, в любом храме, на литию или в будние дни – панихиду (расширенная или полная служба поминовения усопших) собирается большее или меньшее количество людей. Некоторые из них специально приходят в храм только ради поминовения годовщины покойных родственников. Обычно на литию собирается 10–20 человек, что характерно для небольшого городского храма. В мегаполисах, как правило, из-за расширенного штата духовенства, службы могут проходить каждый день, поэтому богослужebная жизнь в храмах мегаполиса (как и крупных областных центрах) носит непрерывный характер.

Кроме краткой поминальной службы в воскресный день, в нынешнее время нет других полелитургийных богослужений. Сейчас сложилась практика отказа от заказных молебнов после поздней литургии (когда собирается большинство прихожан), которые имели место еще двадцать лет назад и всегда практиковались в церковной жизни. Ныне заказные молебны (а это прошения к тому или иному святому о здравии тех людей, которые включены в поминальную записку) практикуются или после ранней литургии (в мегаполисе), или в определенные, памятные для Церкви дни. Скажем, такие молебны проходят накануне Нового года как благодарность Богу за прошедший год; накануне 1 сентября – для школьников прихода и др. Исчезло сегодня особое значение молебна, столь значимое в советские годы, когда подобные полелитургийные богослужения собирали полный храм, заказывались молебны святым с чтением акафиста. Богослужение было долгим и было чрезвычайно популярным, в пении молитв участвовали все прихожане.

После окончания всех богослужений в воскресный день в храме начинается учебно-просветительская деятельность для прихожан: работа Воскресных школ, детской и взрослой; изучение Евангелия или Библии в целом; подготовка левого (народного) клироса и другие мероприятия. В связи со столь продолжительной воскресной программой большинство храмов стали устраивать у себя буфеты (часть для бесплатного чаепития, часть платных: вода, кофе, выпечка и другие продукты). Эти мероприятия заканчиваются примерно к 15 часам. У храмов имеются еще разные структуры, которые создаются, как правило, по инициативе правящего епископа: молодежные объединения и т.д. Хотя в отдельных случаях инициатором подобных церковно-общественных объединений может выступать и энергичный и деятельный настоятель храма. Так, в московском храме святителя Николая в Пыжах на Ордынке по инициативе протоиерея Александра Шаргунова в начале 1990-х годов появилось объединение «За нравственное возрождение Отечества», в руководящий состав которого тогда вошли многие известные деятели культуры. На слуху в 1990-е годы были объединения социального направления (службы помощи бездомным, сестричества для помощи специализированным медицинским учреждениям, подобию кадетских групп для подростков и многое другое). Во многом эти объединения сошли на нет к нынешнему времени.

Церковная жизнь не ограничена только церковными стенами. Часть прихожан (и просто крещеных), не имеющих возможности посещать храм по болезни, священник посещает на дому; проводит

там соборование (таинство), причащает тяжело больных, немощных, престарелых. Нередким является освящение домов. Ушли из обихода другие формы приема духовенства в домах верующих: праздничные обходы священством домов прихожан с поздравлениями, славениями, краткими молебнами – большей частью проходившие в пасхальные дни Пятидесятницы и в рождественские дни Святков. Похожей формой был прием священника со святыней (почитаемой иконой) для служения молебнов о здравии.

Прихожане, как и все желающие, во многих крупных храмах после объявления священника в конце службы принимают участие в уборке в обычные дни: моют полы, чистят подсвечники. Уборка более тщательная (генеральная) проходит всегда накануне больших праздников: Пасхи, Рождества Христова и престола. Моют и чистят паникадила, хоругви, тщательно убирается территория вокруг храма. Для многих такая работа является продолжением помощи храму в пору его восстановления в начале 1990-х годов. Именно тогда во всей стране проходил важный процесс личного участия верующих в восстановлении церковной жизни (церковных стен или благолепия). Можно говорить, что в начале 1990-х годов народ опять стал возвращаться в лоно религии в лице всех своих групп. К *верующим*, церковным в большом количестве добавились *малoverующие*, которые постепенно становились церковными людьми. *Неверующие* также переходили на более высокую ступень малoverующих. Таким образом, самая многочисленная группа неверующих численно уменьшалась за счет этого, как и за счет очевидной важности церковной жизни, столь активизировавшейся.

Мы не случайно включаем в число верующих православных русских такую категорию, как «неверующие». В советское время, особенно в мирное, они старались себя религиозно не проявлять; но с начала 1990-х, в условиях повышенного внимания к Православной Церкви, неверующие тоже стали другими. У них, как нам видится, появилась «готовность» к религиозному действию, которая обязательно актуализировалась в случае особых обстоятельств.

Внецерковные формы религиозной жизни могут включать в себя разный состав верующих: от церковных – до малоцерковных и нецерковных людей. Одной из таких форм является *обращение к почитаемым святыням*. И это, пожалуй, самый общий контент вовлеченности в религиозную ситуацию всех категорий православных. Всех их в данном случае объединяет желание получить помощь в тяжелых и очень тяжелых жизненных ситуациях. Особенно ярко общее участие проявляется в посещении Покровского женского монастыря в

Москве, где находятся мощи широко почитаемой в народе святой Матроны Московской, прославленной Церковью в начале 1990-х годов в чине блаженных. Покровский монастырь каждый день открыт для посетителей (с 7.00 до 20.00 в будни и с 6.00 до 20.00 в воскресные дни). И каждый день сотни людей с утра едут сюда, чтобы занять и выстоять очень длинную очередь (часа два-три как минимум) и попасть в храм, где находится святыня. Часть людей образует еще одну очередь, более короткую, которая движется к иконе святой Матроны, находящейся в киоте на внешней стороне стены, напротив раки с мощами, стоящей в храме. Те, кто идут в храм, нередко как дар святой несут букеты цветов; подходя к раке с мощами, они передают букеты в руки монахини; та же ставит их в вазы, которых тут десятки. В свою очередь, другая служительница как бы от лица святой дает человеку цветочек, уже как святыню для его дома. Постоянно идет богослужebная жизнь, читаются акафисты, служатся молебны; сами верующие в очереди, тихо или про себя, прочитывают акафист святой Матроне.

Здесь можно встретить не только верующих, маловерующих и неверующих православных, но и людей других религий: мусульман, буддистов, ламаистов. Все они оповещены о чудесах исцеления через интернет или через личные контакты. Пока человек стоит в очереди, он слышит множество историй, связанных с помощью. Часть их попадает в книги, журналы, интернет (*Ентальцева 2024*). В Москве это единственное место с такой мощной духовной энергетикой, куда идет столь огромный поток людей, движимых религиозной мотивацией, желанием получить помощь у православной святой. В другом мегаполисе, Санкт-Петербурге, такой же мощной духовной точкой притяжения является часовня, где похоронена блаженная Ксения Петербургская, жившая в XVIII в. и прославленная в 1989 г., хотя «народная тропа» к ней не зарастала ни до революции, ни в советское время. В часовне, пока она открыта, священники постоянно служат панихиды и молебны. Здесь тоже сложились свои самобытные, народные формы почитания. В часовне нет раки с мощами, а есть захоронение с массивным мраморным надгробием, к которому и прикладываются верующие. Священник, стоящий рядом с гробницей, мажет каждому маслом лоб, и верующий получает цветочек из общей корзины. Традиция, связанная с цветами, скорее всего, пришла сюда из Москвы, для часовни блаженной Ксении характерно написание записок к святой (обращение к ней от лица верующего) и подсовывание их с алтарной части в разные щели часовни. Скорее всего, записки стали писать таким образом в советское время, когда вход в часовню был закрыт и верующим оставалось только

становиться у алтарной части, молиться и оставлять записки. Также люди делали три круга пешком с молитвой вокруг часовни (против часовой стрелки). Все это в совокупности – конечно, следы имитации священнических действий в годы, когда духовенству нельзя было здесь появляться. Часовня блаженной Ксении на Андреевском кладбище (Васильевский остров) привлекает людей днем и ночью. Уже когда закрыты и сама часовня, и центральные кладбищенские ворота, отдельные посетители все равно идут сюда через проход с тыльной стороны. Молятся с восточной стороны часовни, прислонясь лбом к ее стене.

Сейчас в Санкт-Петербурге пользуется почитанием место захоронения святого Иоанна Кронштадтского, но это все-таки почитание церковных людей, а не общенародное почитание.

В Петербурге есть еще одна точка народного почитания святыни – чудотворная Казанская икона Божьей Матери, находящаяся в Казанском кафедральном соборе. Сюда каждый день выстраивается очередь верующих; в будние дни – около 20 человек стоит постоянно. Если учесть, что подход к иконе (когда нет богослужений) разрешен с 9 до 20 часов и в час проходит около 80 человек, то за 11 часов к иконе приложатся 900 человек. Причем, по нашим многолетним наблюдениям, в будние дни приходят преимущественно «маловерующие» и «неверующие». Но кем бы они ни были, они поднимаются к иконе, прижимаются к ней лбом (или просто стоят перед ней) и рассказывают, просят, обращаются за помощью.

Сегодня святынями не обделен ни один храм или монастырь не только в мегаполисах, но и в малых городах страны. Это один из важных факторов церковной миссии по привлечению и просвещению нецерковных людей. Святыни привлекают к себе не только церковных, но малоцерковных и нецерковных (неверующих) людей. Последних мы можем видеть массово (особенно молодежь и подростков) в церкви только раз в году: в начале Пасхального праздничного богослужения. Они не торопятся зайти в храм или на территорию храма перед началом пасхальной заутрени, когда верующие вместе с духовенством, клиром и хором пойдут вокруг храма крестным ходом и перед входом запоют: «Христос воскрес из мертвых». Крестный ход весь в огнях свечей. И те, что стоят за оградой, в основном молодежь, также зажигают зажигалки (а кто и свечи) и приветствуют праздник. Часть этих молодых людей потом все же зайдет в храм, купит красные свечи и поставит на подсвечники. Для среднего и старшего поколения такими общими, единящими верующих и неверующих днями являются Крещение и в меньшей степени – Вербное воскресенье.

Праздник Крещения, в основе которого лежит понимание крещенской воды как «великой агиасмы», великой святыни, привлекает всех православных именно возможностью принести домой эту церковную святыню, как говорят священники, в какой-то степени равную причастию, и там пользоваться ею весьма разнообразно: для лечения болезней, особенно в стадии всяких приступов, для освящения дома, для поддержания бодрости духа, против уныния. Как никакой иной церковный праздник эти два дня (сочельник и Крещение) создают удивительную атмосферу народного нравственного единения с Церковью, обусловленную близостью к освященной водной стихии. Такая же атмосфера в прежнее время создавалась в праздник Троицы, когда храмы украшались березками, а полы в них – скошенной травой. Сейчас во многих храмах, особенно московских, стараются ограничиться двумя-тремя березками, без травы на полу.

Перестают играть свою сверхважную роль приобщения к Церкви паломнические поездки, недавно еще столь популярные. В 1990-е и 2000-е годы было много крупных централизованных паломнических служб, а также паломнические службы существовали почти при каждом храме (и в мегаполисах, и в городах провинции). Храм брал на себя обязательства организации близких и дальних паломничеств (до 3 дней) в популярные для православных места: известные монастыри, храмы со святынями, к местам погребения подвижников благочестия и т.д. Храм заказывал автобус, экскурсовода, прорабатывал логистику маршрута, оповещал прихожан. За время такой поездки люди сближались, ведь паломнические поездки были больше, чем экскурсии, они включали в себя и катехизацию. Люди узнавали много важной информации о церковной жизни; потом это все подкреплялось встречами со святыми местами, общими молитвами, общей церковной трапезой.

Сегодня народная жизнь в Церкви в какой-то степени перестала носить динамичный, текучий характер, с постепенным переходом одних категорий верующих в другие. Налицо окостенение всех трех групп, отчего все они по-своему не получают импульсов, необходимых для гармоничной (народной) церковной жизни. Неверующие – от маловерующих, а маловерующие – от закрывшихся верующих. И причина здесь нам видится в сворачивании народных форм внебогослужебной активности верующих: массовых крестных ходов, активного, масштабного паломнического движения, включенности церковных мероприятий в большой контекст общественно-культурной и государственной жизни.

Например, народные церковные формы проведения праздника святых учителей славянских Ки-

рилла и Мефодия в Москве, когда в основе лежали многочисленные столичные крестные ходы, шедшие из храмов Москвы, встречавшиеся с крестным ходом из Кремля и двигавшиеся к памятникам Кириллу и Мефодию на Солянке. Сейчас акцент сдвинут в сторону концерта на Красной площади в честь этого государственного и церковного праздника. Так же и памятный православным праздник осенней Казанской, отмечаемый сейчас как День народного единства, центром своим имеет возложение цветов к «Минину и Пожарскому» на Красной площади от президента, патриарха и представителей других традиционных религий России. Конечно, влияют на ситуацию и события, связанные с СВО, опасность террористических атак.

Конечно, наиболее невидимы глазу те религиозные группы православных, которые называются «маловерующими» и «неверующими»; они меньше изучены наукой, как правило, не попадают в социологические опросы и данные именно как русские «религиозные группы», связанные с православием неформальными связями. Но этнографам/этнологам они видны, к ним не раз, в отдельных аспектах, обращались специалисты по русской народной религиозности (Кириченко 2021: 19–57; Листова 2010: 285–338; 2016: 43–87; 2018: 255–364; 2021: 166–171; 2025: 101–115; Жигунова 2026: 95–104).

Что на сегодня уже известно о религиозности этих групп? Главное, что они религиозны и принадлежат к православию неформально. Здесь очевидным идентификатором может служить первичный шаг приобщения к Церкви и вере – крещение и миропомазание, которые совершены даже в несознательном, детском возрасте. Как отмечает исследовательница: «Таинство стало одним из наиболее органично вписавшихся в народную культуру церковных нормативов, сформировав определенный стереотип восприятия и оценки себя и своего окружения с точки зрения религиозного, духовного совершенства» (Листова 2021: 159). Уже фактор вхождения в православие через таинство порождает в человеке исходную, малую толику религиозности, если исходить не только из церковного взгляда на таинства, но и из научных исследований. Если для Церкви эти таинства закладывают «зерно» в духовную сферу человека, на примере жизни конкретных людей (маловерующих и неверующих) мы можем видеть, наблюдать, как оно «прорастает»; в одном случае сильно, обильно, и человек в какой-то жизненный период сознательно попадает в категорию верующих; в другом случае зерно прорастает совсем немного, и человек, зная и чувствуя, что оно есть, время от времени сознательно идет в религиозное пространство, чтобы его укрепить и поддерживать. В третьем случае зерно остается в человеке,

не прорастая. «Непроросшее зерно» все равно дает о себе знать; человек его чувствует, даже если оно пока сухое, и фактор «зерна» влияет на его духовное поведение. Это и важно нам зафиксировать.

Маловерующие проявляют себя как религиозные люди двояко: *единично* (в том числе публично, открыто) и в *массе*, в отличие от нерелигиозных, которые никогда публично не демонстрируют свою религиозность, а люди с «сухим зерном» даже от себя ее скрывают. Так вели себя в советское время верующие коммунисты. Они могли проявлять свою религиозность единично, внутри семьи или только для себя, но именно проявлять как малую толику ее выражения (Кириченко 2021: 14–57). Но неверующие люди могут демонстрировать свою религиозность только «в массе», через участие в отдельных массовых религиозных действиях (чаще праздниках), в обрядовой или визуальной части праздника. Скажем, в последнем случае, придя посмотреть «со стороны» на крестный ход в пасхальную заутреню или же посмотрев часть службы дома, по телевизору. Приведу два случая, которым был свидетелем. В конце 1960-х годов женщина врач-терапевт, твердый атеист, неожиданно обратилась к моей маме, ее соседке, которая пекла к Пасхе куличи и красила яйца. Ее сын был моим приятелем, поэтому им было известно, что у нас происходит. Врачу понадобился рецепт кулича. Так мы случайно убедились в том, что наша твердо-партийная Анна Ивановна не чужда народной традиции. Другой пример. Мой дядя, доцент кафедры металловедения в Авиационном институте, не был партийным, но отличался редкой атеистичностью и нетерпимостью к религии. Был крещен в детстве. Но когда наступили тяжелые и долгие дни предсмертной болезни, он не отказался от того, что жена поставила рядом с ним икону Богородицы и стала кропить его крещенской водой. Он сам стал ее просить покропить его, когда было особенно тяжело. Эти два примера демонстрируют модель существования неверующего человека, получившего атеистическую прививку в советские годы, «зерно» фактического приобщения к вере и Церкви жило в нем в нераскрытом виде. Но и такое существование зерна оказывается для таких людей дорогим в определенные моменты жизни. Это люди или с латентной (скрываемой) религиозностью, или с религиозностью еще не осознанной. Латентность не уничтожается сознательными действиями за счет того, что «крещение» принято народом как свое родное (и атеисты это знают и не могут переступить через это), отделяющее его от чужого, не своего (Листова 2021: 159). Эта способность узнавать свое/чужое распространяется в народной мысли и на территорию (Листова 2021: 160), что даже атеисту трудно игнорировать. Атеисты знакомы со

смысловой основой этого религиозного действия, опираясь на народный опыт; они знают, что крещение касается души человека. Отказаться совсем от него – значит, отказаться от души, самой сути человека (Листова 2021: 161). Сибирская исследовательница, этнограф и социолог отмечает, что среди русских «90% опрошенных верят в существование души и потустороннего мира» (Жигунова 2025: 98).

Если число крещений будет уменьшаться, то прервется процесс существования *единого поля* «религиозных людей», приобщенных к Православию объективно, через церковные таинства. И православие как вера, религия и Церковь постепенно перестанет быть объединяющей силой для русских в целом.

Судя по всему, именно церковная среда сегодня осталась единственной хранительницей полноты понятия «народ». Понятие активно размывалось через *социально-сословную* сферу в XIX – начале XX в., в результате чего появилось понимание народа как простонародья, в основном крестьянского. Советский период добавил сюда свою толику выхолащивания смысла понятия «народ», когда акцент был сделан на гражданской (советской) идентичности. Тем не менее старинное и подлинное понимание термина (как и само явление) продолжало локально сохраняться в церковной среде. И вот уже в последнее десятилетие, в 2010-е – 2020-е годы мы наблюдаем методичное рассечение и этой области последнего пристанища народного бытия на отдельные части. «Религиозные люди» – крещеные и миропомазанные, состоящие из верующих, маловерующих и неверующих, начинают делиться на отдельные три группы. Особенно опасно отделение неверующих в связи с нарастающим числом некрещеных, из-за чего они уже могут двигаться в сторону изменения качества, в силу отсутствия в них «зерна». Эта группа очень скоро может набрать новое качество – русских не крещеных, не помазанных миром, не приобщенных к Церкви. То есть мы наблюдаем начавшееся разрушение последнего оплота народного существования этноса, когда разрушается единство функционирования всех главных идентификаторов в понятии «народ»: этнического (русский), гражданского (правовая принадлежность к государству) и религиозного (православный). Если это случится, то мы получим «народ», для которого главным и единственным будет гражданский идентификатор, не мотивированный ни исторической памятью (этничностью), ни сверхисторической памятью (православной религиозностью), то есть людей без исторической и сверхисторической памяти, для которых будет важно одно только утилитарно и прагматично понимаемое настоящее.

4. Православие в государственном и общественно-культурном пространстве страны

Нынешнее положение Православия обозначено как официальным, так и неофициальным образом. Официально православное христианство относится к числу традиционных религий, защищаемых законом, в том числе Конституцией. Церковь отделена от государства, являющегося светским, но сохраняющего с Церковью живые и разнообразные связи. По личной инициативе президентов (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева) после их президентских инаугураций были проведены молебны в Успенском соборе Московского Кремля, после которых патриарх Московский благословлял новых глав государства на их служение крестом. Следует подчеркнуть, что сложившаяся практика участия «первых лиц» (и Кремля, и губернаторского корпуса на местах) в праздничных богослужениях относится к неофициальной части правил, по которым сегодня живут российские политические элиты. Они все связаны с именем действующего главы государства В. В. Путина, являющегося православным верующим. Верой президента объясняется в целом сложившийся порядок, по которому Церковь хотя и отделена от государства, но определенным образом участвует в жизни государства и общества. Эта мера разрешенности не закреплена законодательно, она отмерена поступками действующего главы государства. И Церковь дорожит этой разрешенностью, справедливо считая, что за этим стоит «византийская традиция» и вообще – незабываемый порядок, сложившийся в России. Это и заставило Церковь согласиться на главенствующий светский контекст в празднествах, посвященных Дню славянской письменности и культуры или Дню народного единства и т.д. Крещенские купания политиков, публичные поздравления патриарха с дорогими ему датами, государственный ресурс, выделяемый на строительство новых храмов (программа «200 храмов» в Москве и Подмосковье с 2010 г.); посещение президентом Афона, Святой Земли – все это и многое другое должно подчеркнуть долговременный характер новой государственной политики.

О современной православной архитектуре в контексте взаимоотношения Церкви (института, веры и религии) и государства стоит сказать особо. Процесс строительства и восстановления закрытых в советское время храмов активизировался в начале 1990-х годов. В 1999 г. закончилось строительство храма Христа Спасителя, воссозданного в рекордные сроки, за девять лет. Но темпы церковного строительства резко увеличились с начала 2000-х годов, когда президентом стал В. В. Путин. В 2025 г. в столице – 1241 храм (вместе с часовня-

ми). В рамках программы «200 храмов» к 2024 г. построено 119 храмов и еще около 50 строятся. Во многих областных центрах страны восстановлены или выстроены заново соборные храмы, когда-то градообразующие. Ранее всего они появились в Воронеже, Тамбове, Липецке, Белгороде, Самаре и др. городах. Массовое храмовое строительство, открытие монастырей и восстановление их храмов и инфраструктуры (особенно в таких важных местах, как Соловки, Валаам, Нило-Столобенская пустынь в Осташково) как ничто другое указывают на государственное покровительство Православию в России. Темпы возведения новых храмов сравнимы с лучшими показателями в истории: в Византии при императорах: Константине Великом (IV в.); Юстиниане (VI в.), в России – при Николае I, когда велось плановое строительство соборных храмов в губернских центрах по всей России. И это заставляет нас признать, что Церковь сегодня находится в особых благоприятных условиях для своего существования.

В наибольшей степени современное государство допускает проникновение Церкви в общество; и причина здесь в том, что общество пока единственная не напрямую, а лишь косвенно контролируемая им структура. Общество состоит из отдельных людей и «народа», если говорить об интересующих Церковь коллективных формах существования общества. Церковь как духовный организм всегда интересовало существование естественных форм коллективности. А народ она рассматривала как сообщество людей, на которое наложена Божественная печать. По этой логике русские получили свою этническую запечатленность в первой половине XV в., когда вся Русская Земля духовно и социально сплотилась перед лицом постылого монголо-татарского ига. Это духовное единение, как считал о. Павел Флоренский, зафиксировал святой иконописец Андрей Рублев в его «Троице Ветхозаветной». Это не означало, что после «печати» в число русских не могли уже вливаться представители других народов; вливаться они могли, и они вливались, с той лишь разницей, что часть их становилась русскими, растворялась в русской народной массе (принося в Русский мир особенности своего темперамента, антропологического типа), а другая часть сознательно уклонялась от растворения в русской среде. Поскольку подобное «растворение» предполагало не только владение языком, крещение, принятие православия, но сознательное решение вступить на путь разделения с русскими их исторической судьбы: защищая и отстаивая русские ценности и приоритеты. Что делает у себя и каждый народ в качестве основы своей этнической идентичности. «Печать» – это тот исторический факт, в данном случае, Куликовской битвы,

за которым следовало осознание всеми, что здесь находится исток подлинного народного (общего) единения. Это было не только гражданское, но и этническое и религиозное единение, когда одно событие стянуло все в одну точку. Точка Куликова поля стала Русской Землей (гражданский фактор единения); славяне, варяги, финно-угры и все другие, кто не мыслил себя вне русских, стали русскими и кровью скрепили это единство; православие противостояло уже не пестрому составу язычников-идолопоклонников времен Чингисхана, а религиозно монолитной, сплоченной исламом воинской массе кочевников-степняков. И конечно, для православной Руси последний фактор имел решающее значение, как в свое время, при святом князе Александре Невском, более важным было отразить военную агрессию военного католического ордена западных крестоносцев, чем пытаться воевать до последнего с идолопоклонниками Батыя. Народ, обретший этническое единство в столь сложной борьбе, конечно, для Церкви был «коллективной личностью», получившей свою коллективную природу дорогой ценой, в том числе религиозной.

В отношении «отдельного человека» Церковь всегда демонстрировала правило: для нее нет этнических приоритетов – «нет эллина и иудея, а есть Христос» (Гал. 3: 28). Вот почему церковная антропология всегда (а сегодня особенно) несколько отличается от церковного народолюбия. Сегодня Церковь все более демонстрирует приоритет «церковной антропологии», делая «церковное народолюбие» скорее знаковым фоном для своей деятельности. В церковном народолюбии священник апеллирует к народу, который не безлик, а состоит из отдельно взятых русских людей. За счет первенствующей здесь этнической идентичности каждый из этих людей имел русское имя в крещении, известное священнику, имел свое индивидуальное лицо (потому что каждому прихожанину священник – духовный отец), перед глазами священника проходила вся его жизненная судьба от «а» до «я». Единство в традиции и единство в этнической массе достигалось за счет индивидуальности каждого благодаря священнику, и народ в этой связи не был безликой массой. Церковное народолюбие и строилось на том, что масса знала священника как «добротного пастыря», а тот знал народ не как массу, а как «своих овец», именуя каждую по имени. Это не означало, что в ту пору не было отдельной церковной личности. Но «Христом» в этой модели был священник, и потому аксиома апостола Павла, что в Церкви нет ни эллина ни иудея, а есть Христос, понималась и так. Отдельным человеком в старой модели был скорее священник, и он понимался как «Христос». В современной модели, обозначенной

нами как «церковная антропология», отдельный человек – это любой церковный человек, включая священника. И все они призваны забыть о земных приоритетах: быть эллинами или иудеями, а постараться быть «Христом». Пока ты «эллин или иудей» – еще не церковная личность, в тебе нет Христа. Так ставится вопрос в церковной антропологии. И эта программа сегодня запущена в Церкви в жизнь; запущена не так давно, с начала 1990-х, при патриархе Алексии II, и продолжена с еще большей интенсивностью ее внедрения при нынешнем патриархе Кирилле. Мы не беремся давать ей нравственную или религиозную оценку, это не наша задача, мы лишь констатируем факт изменившихся церковных приоритетов в Русской Православной Церкви за последнее тридцатилетие. Насколько они будут длительны и к чему приведут, пока неизвестно.

В меньшей степени Церковь допускается государством сегодня в культуру и образование. И не только потому, что этого не хочет государство, а в большей степени по другой причине: Церковь не особенно ждет в области культуры (главным образом, художественной), в области образования, включая и науку. Здесь еще в советское время (если не ранее) сложилось особое общество людей, хотя и граждански однородных (и тем единых), но не нуждающихся в иной коллективности, кроме гражданской и профессиональной. Они не хотели бы допустить в свои пределы ни народной коллективности, ни корпоративной, связанной прежде с сословной принадлежностью. Народная коллективность принесла бы в их среду церковные формы бытия или же религиозность, религиозное мировоззрение как таковое. Корпоративная коллективность принесла бы, в свою очередь, традиционные нормы: ненужную им консервативность бытия, неформальную внедолжностную иерархию и т. д. То есть в одном случае боязнь религиозности, в другом – традиционности как консервативности. Государство учитывает интересы культурной и образовательной сфер и, со своей стороны, очень осторожно вводит отдельные компоненты светски оформленной религиозности в сферу образования и науки, практически не проводя такой работы в отношении культурной сферы. Государство делало бы это быстрее и настойчивее (как показывает опыт регионов), но в мегаполисах сложился свой микроклимат, в основе которого лежит свой консервативный и традиционалистский компонент. В этом сегодня и состоит конфликт интересов: Церковь как главный носитель консервативного и традиционалистского начал в значительной степени не пускается сегодня в общество культуры и в общество образования и науки, потому что их собственный консерватизм обусловлен, в отличие

от Церкви, не религиозностью, а укоренившимся атеизмом, за которым не стоит религиозной веры. Обе эти сферы – культуры и образования/науки – стали «обществами», то есть замкнутыми, отдельными большими социумами, формируясь внутри государства, общества, сословий, церковной сферы, профессиональной области творчества в значительной степени не естественным путем, а как бы отталкиваясь от всех этих инициаторов их появления. Русская интеллигенция XVIII – начала XX в. формировалась и существовала в постоянной оппозиции государству, традиционному обществу, сословиям, Церкви, постоянно умаляя школу отечественной мысли, пренебрегая русской профессиональной школой в пользу западной. Позже, в конце XIX в., в оппозиционность русской интеллигенции включился еще существенный элемент национального сепаратизма и появился светский аналог выражения: «нет ни элина, ни иудея», а есть только Культура, Наука и Образование, заменяющие понятие «Христос» в известной церковной формуле. Советская власть добавила сюда: *советские* культуру, науку и образование. Постсоветская Россия внесла еще один акцент в эту формулу: *российские* культура, наука и образование. Большие буквы в советское и постсоветское времена пропали из названий, потому что уже не Христос шел впереди революционных матросов и солдат «в белом венчике из роз», а некая идея (советская или российская, как основы идеологического концепта). Таким образом, культура, как и образование/наука, сложились как общества достаточно давно, укоренившись в своих традициях и консервативных ценностях. При этом заметно, что образовательная сфера оберегается государством от церковного влияния с гораздо большими усилиями и большей настойчивостью, чем культура, хотя она менее консервативна и традиционна. И это при том, что государство в своей новой политике сегодня готово более энергично продвигать церковный нарратив в школу и науку. Мы видим причину сложившейся ситуации в двух обстоятельствах: а) в значительном влиянии на государство со стороны культуры, в которой очень быстро расширяется и радикализуется сегмент массовой культуры. Он в значительной степени и создает этот эффект «тарана»; б) в серьезнейшем влиянии «внешнего мира», очень разного, а не только быстро меняющегося западного. И этот фактор внешнего воздействия на государство более силен, чем атеистический консерватизм и внеэтнический традиционализм в самих областях образования и науки. В этой ситуации Церковь действует в соответствии с теми возможностями, которые ей предоставляет государство.

5. Православие в повседневной жизни

Повседневность определяется тем вниманием, которое народ уделяет Богу, Богородице и святым в своей обыденной жизни. Конечно, привычные выражения «слава Богу», «спаси Бог», укороченное до «спасибо» говорят о многом, во всяком случае, о вековой укоренившейся привычке связывать с Богом благодарность за сделанное добро со стороны другого человека; видеть в Боге (теперь нередко неосознанно) первого помощника в опасности. Для людей церковных взаимоотношения с высшими силами ритмизированы, включены в обязательный распорядок дня: утренние и вечерние молитвы, молитвы перед едой и после – в целом, пребывание в течение дня как бы перед лицом Бога. Храм располагает обратиться с молитвой и приношением малой жертвы в виде свечи ко всем: к Богу, Богородице и любимым святым. Здесь, кроме прочего, подводится как бы итог повседневной жизни за неделю или накануне праздника.

Малoverующие православные христиане не живут повседневной религиозной жизнью: для них религиозным опытом является *знание* того, что Бог есть и Он, если к Нему обратиться, услышит и поможет. Это знание имеет сложную природу возникновения, но основа ее, конечно, заключена в крещении и миропомазании, которое в сознательном возрасте может проявляться в постепенном суммировании несистематических знаний о крещении. Главное же знание состоит в том, что ты – *свой* в этой церковной и бытовой традиции, которая сфокусирована на Боге. Отсюда для малoverующего человека знание, что Бог «есть», вытекает не только из «зерна», посеянного в нем таинством крещения (как считает Церковь), но и из помещенности человека в пространство, где у него есть свое место, с которого он и может, и имеет право обращаться к Богу. Хотя такой человек и делает это редко, но делает это строго осознанно. Он обращается к Богу (за редким исключением) не дома, не на работе, не на улице, а только в храме. Необъяснимым является тот факт, что в обыденной повседневности такой человек помнит только о Боге, что Он «есть» и к Нему можно обратиться. Но когда он приходит в храм по важному для себя случаю, чтобы поставить свечи или принести поминовение на канунный стол, то его религиозный кругозор временно расширяется; он словно видит Бога во множестве святых на иконах. Он идет к Божьей Матери, икон которой всегда больше в храме, чем других образов, он находит святителя Николая, Архангела Михаила, Георгия Победоносца и ставит свечи и другим святым, имена которых он может и не знать. Основные знания «малoverующие» получают в дни больших церковных празд-

несть, когда в храме собираются как верующие, так и маловерующие, и можно видеть предпочтения святым со стороны верующих, как и многое другое, что невольно запоминается. Поэтому, соглашаясь с исследовательницей, что «своеобразным “мерилом религиозности” является участие людей в религиозных праздниках» (Жигунова 2025: 98), отметим, что праздники играют важную просветительскую роль для маловерующих, которые большей частью здесь набираются конкретных религиозных знаний, опираясь на которые, могут корректировать свою повседневную жизнь в сторону большей или меньшей религиозности «в душе».

Советское время в силу специфики периода, из-за гонений на Церковь и верующих, ограничений и т.п. сильно приблизило святыни к верующему человеку (Кириченко 2010: 130–155). Эту близость чувствовали и все остальные категории, что объясняет многочисленные случаи проявления религиозности со стороны советских партийных и чиновных лиц. Этой святыней, в первую очередь, являлась икона (Кириченко 2021: 19–57). Но кроме нее активно почитались святые источники; особую сакральную значимость приобрели «Божьи люди», разного рода блаженные, странники, лежащие больные; в большом числе появились старцы, как правило из монахов или белого духовенства, обладающие прозорливостью и многочисленными дарами, из которых особенно ценили их способность исцелять и помогать советами. Все это в совокупности создало в народной религиозной среде особый религиозный настрой и сформировало особый опыт, с которым Церковь пришла в новую реальность начала 1990-х годов. Как считает исследовательница, занимавшаяся вопросом почитания Богородицы у русских, в эти годы церковного возрождения даже вставал вопрос о том, чтобы почитание Богородицы, как покровительницы России, сделать национальной идеей. То есть многовековой опыт особого отношения русских («на всех уровнях: личностном, общественном и государственном») к Божьей Матери в советский период приобрел особое звучание. Что и позволило поставить вопрос о новой национальной идее в начале 1990-х. Но победила идея «создания единой российской нации», и вопрос о религиозной национальной идее отпал (Листова 2022: 42).

Тем не менее благодаря уникальному, хотя и трагическому по своей природе советскому церковному опыту в постсоветской России началось масштабное возрождение религиозной жизни; и фактор «близости небесного мира» сыграл свою важную роль. Благодаря ему сообщество верующих, маловерующих и неверующих сохранило свое религиозное единство.

Важным для Церкви и веры опытом советского времени являлось и особое народное внимание к поминовению усопших, одна из наиболее мощных форм сохранения многовековой народной традиции. В советское время на эту традицию легло еще бремя сохранения церковной исторической памяти, бремя поддержания самой веры и благочестия, что заставляло верующих прилагать особые усилия.

Партийные социологи, собиравшие материал в конце 1960-х годов в Воронеже (группа Шибанова), привели такие цифры на 1967 г., обследуя число приложившихся к плащанице в Великую Пятницу (ЦДНИ: Л. 14–15). Их оказалось 35 203 человека. Было выяснено с помощью анкет, что число церковных людей («верующих») из числа посещающих храм в эти дни составляет 72,5%, а маловерующих – 27,5%. Соответственно, если 35 203 составляет 100%, то среди приложившихся 25 522 были верующие, а 9681 человек – маловерующие. Верующих было в 2,6 раза больше. В это же время Воронежское кладбище в предпасхальный день и на Пасху посетило 150 тыс. человек, то есть в 4,3 раза больше, чем посетило храм и приложилось к плащанице. Как писали в отчете социологи, священников на кладбище не было, но было много черничек, которые помогали людям служить мирским чином панихиды. Если мы сопоставим число «верующих», посетивших в Великую Пятницу храм и приложившихся к плащанице (25 522), со 150-ю тысячами, бывшими на кладбище, и общее число посетивших кладбище разделим на верующих и неверующих (150 000 – 25 522 = 124 478), то увидим, что соотношение верующих и маловерующих на кладбище будет другим; маловерующих было больше в 4,9 раз. Таким образом, в храме верующие, из-за своего численного превосходства в 2,6 раза над маловерующими, были основой церковного отношения к важнейшему религиозному событию Страстной недели. Их численное превосходство говорит о господстве в храме церковного взгляда на события Великой Пятницы. На кладбище численно преобладали маловерующие, и верующие здесь могли быть лишь «солью, осоляющей целое», но стихийное начало было за маловерующими. Сегодня ситуация совсем иная. В Великую Пятницу в храме находятся только верующие, маловерующих нет. Они появляются в Великую субботу, когда начинается освящение куличей. И их приход связан именно с этим мотивом, только часть их попутно заходит в храм (освящение куличей проходит на улице вокруг храма), чтобы поставить свечи, и только часть из них прикладывает к плащанице. Вот почему во многих храмах, особенно Подмосковья, очередь к столам, где идет освящение, пропускается через храм, и поклонение плащанице делается частью освящения куличей,

пасок и пасхальных яиц. Число «малoverующих» в этот день огромно, оно исчисляется тысячами. Длинная очередь у любого храма формируется часов с 8 утра и иссякает поздним вечером. Другая картина сегодня наблюдается и на кладбищах в пасхальные дни. Верующие ориентируются духовенством на посещение кладбища только на Радоницу, то есть в начале второй недели после Пасхи. Поэтому верующие и малoverующие теперь практически не пересекаются в дни поминовения усопших, из-за чего уходит не только главное – *сакральный смысл* поминовения в эти дни, но и исчезает общая и духовная коллективность поминовения.

Указанный социологический материал 1960-х годов позволяет увидеть еще и возрастную и гендерную структуру посещавших храм в предпраздничные и праздничные дни. В 1967 г. к плащанице в Великую Пятницу приложились 35 342 человека. Социологи выделили несколько возрастных и гендерных групп: дети двух возрастов (дошкольники и школьники) составили 2504 чел. Их кто-то привел: учитывая ситуацию контроля, их привели скорее всего неработающие люди пенсионного возраста, бабушки и дедушки. Бабушек насчитывалось 21 030, из них только одна восьмая часть могла привести внуков. Мужчин пенсионного возраста насчитали 1899 чел., что близко числу детей, то есть мужчины пришли в точном соответствии с количеством детей. Предположительно формируем родственные группы, состоящие из дедушки, бабушки и одного или нескольких внуков. Это «семейная» группа верующих. Есть еще группа в возрастном кластере 18–30 лет. Она отлична от других возрастных групп тем, что здесь мужчин всего в 3,3 раза меньше, в то время как в группе 31–50 лет мужчин меньше в 17 раз; а в группе старше 50 лет – в 11 раз. В группе 18–30 лет молодых женщин и девушек 865, а юношей и мужчин – 260.

Для нас важно, что здесь могли формироваться группы, коллективы, то есть присутствовал «народный» элемент единения людей, как и в семейной группе. Наиболее атеистичной выглядит тогда группа 31–50 лет, пришедших скорее из любопытства и в силу общего интереса, а не по религиозным мотивам. С этой самой активной, трудовой группой, конечно же, и более интенсивно работали партийные и советские органы, внедряя идеи атеизма. Это вторая по численности группа (8297 женщин и 497 мужчин) после самой многочисленной (старше 50 лет). Что тоже указывает на то, что основная масса малoverующих (из упомянутых 9681 чел.) находилась именно здесь. По расчетам социологов, малoverующих было 27,5%, а доля этой возрастной и гендерной группы составляет 24,9%. Всего 2,6% малoverующих будет приходиться на остальные

возрастные/гендерные группы; думаем, на группу 18–30 лет. Выходит, основу группы «верующих» в 1960-е годы составляли люди старше 50 лет, среди которых наблюдалось две численно неравные части. Одна, относимая нами к «семейной», состояла из мужчин (дедушек), женщин (бабушек) и внуков. В этой группе бабушки составляли лишь 1/8 часть от всей численности бабушек данной возрастной группы. Остальные бабушки по каким-то причинам не смогли прийти с внуками. Таковых насчитывалось 18 526 человек из 21 030.

Работа с этими социологическими данными показывает нам не только ситуацию, характерную для конца 1960-х годов, но и тенденцию, которая через 20 лет (к концу советской эпохи) должна была выглядеть уже как новая реальность. Группа малoverующих 31–50 лет за эти 20 лет переместилась в другую возрастную группу (после 50-ти), делом которой, в традиционной картине, являлась передача духовного опыта своим внукам. Но они не могли этого делать, их отучили это делать. Будем учитывать и то, что следующая за ней группа (в 1967 г. – 18–30 лет) перешла в конце 1980-х в группу 30–50 лет, с которой советская власть всегда активно работала идеологически. Поэтому за два последних десятилетия советской власти и эта группа активно приобщалась к атеизму. Так в целом значительно увеличилась плотность и укорененность в атеизм группы малoverующих (за счет двух идеологически обработанных поколений), и к началу 1990-х годов новое поколение молодежи (рожденное в начале 1970-х) практически было лишено возможности опираться на семейный опыт приобщения к православию в любых его формах (вере, церковности). Для них оставался один путь – приобретение религиозного опыта (причем начиная с крещения и миропомазания в *юношеском*, а не детском возрасте) через самостоятельную, индивидуальную жизнь в Церкви. Что и происходило в массе своей в начале 1990-х годов.

Сравним с тем, что происходит в крупном городском соборе в г. Одинцово в 2026 г. Мы вели подсчет посетивших храм в субботу вечером на первой неделе Великого поста (когда верующих приходит гораздо больше обычного) и в воскресенье утром, на литургии. На вечернюю службу в субботу в нижний храм пришло 250–300 человек, большей частью женщины среднего и выше среднего возраста. Основная масса этих людей принадлежит к категории «церковных людей», постоянно посещающих храм. Очевидно, основная масса их в воскресенье посетила раннее богослужение, в 6-00, когда совершается первая литургия. Вторая литургия была в 9 часов, и проходила она в верхнем храме собора. На нее пришло около 600 человек. Две трети их составляли мужчины возраста от 30 до 50 лет, пришло и 50

детей. Причащалось приблизительно 350–450 человек. Заметно и то, что многие из пришедших не имели пар. Совсем почти не было подростков (9–11 класс) – только 12–14 человек.

Всего в первое воскресенье Великого поста в Одинцовском храме причастилось около 1000 чел. Зная, что в Одинцово два крупных храма, а число жителей в городе 187 тыс. (на 2024 г.), разделим число жителей на две равные условные группы по 90 тыс. Тогда 1 тыс. человек причастившихся 1 марта 2026 г. составит в процентном отношении 1,1%. Но число это во много раз увеличится, если мы проведем подсчет людей, пришедших к храму в пасхальную ночь на крестный ход. Оно еще более увеличится, если мы начнем считать число людей, приносивших освящать пасху и куличи в великую субботу или берущих воду в крещенские дни. Но точкой отсчета все же должны быть причастившиеся в первые субботу и воскресенье Великого поста после недели чтения канона преподобного Андрея Критского.

Поставленные в статье вопросы могут казаться преждевременными, ведь главный из них: будет ли Церковь оставаться местом постоянного притока крещеных людей или мы наблюдаем начало другого процесса, когда все усилия церковные направляются только на качественную сторону просвещения верующих, постоянно посещающих храм? Но мы видим, что все явственнее проявляются плоды закона об «отделении Церкви от государства», который государство приняло в начале советской эпохи и к которому сразу после развала СССР почему-то присоединилась и Церковь. Постсоветское государство в этом вопросе не меняло своей позиции по отношению к Церкви, оно продолжает держаться советского декрета 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Согласно Конституции 1993 г., любая традиционная религия в стране отделена от государства.

Плоды закона об отделении Церкви от государства еще не видны во всей своей полноте. Но

в тенденции такая ситуация направлена на постепенную локализацию церковной жизни и на превращение Церкви в катакомбную, какой она была до Миланского эдикта 315 г. Мы должны эту логику проговаривать. Число людей, ориентированных на Церковь, с каждым поколением уменьшается. Иллюзия того, что ничего дурного не происходит, связана с тем, что храмы открыты, новые храмы строятся, президент поздравляет патриарха с юбилеями и др. Но прямое духовное влияние Церкви на общество и государство практически сведено к нулю. На каком-то этапе Церкви будет открыто высказана ее «бесполезность» и, может быть, «вредность», с точки зрения все более секулярной нравственности, формирующейся на наших глазах. Сегодня нравственности уже не надо говорить о своей приверженности атеизму, она уже перешла эту черту и движется в каком-то ином измерении оторванности от человеческих принципов. Невозможность Церкви влиять на эти деструктивные процессы и заставит, в конце концов, предъявить ей ультиматум: а современна ли она? а с народом ли она? а что она сделала в последние два года? Вот почему вопрос о качестве верующих в современной Церкви – это не социологический вопрос цифр, а проблема пассивного отношения Церкви к этому качеству. Но спрашивается: а что могла бы Церковь сделать против существующего порядка вещей, некоей объективной реальности? Разве она могла бы что-то сделать по-другому? Очевидно, наступает исторический момент, когда Церковью постепенно начинаем становиться все мы, верующие, каждый в отдельности; в разной степени, конечно. Так было в искомое советское время, когда рушили храмы, а их заменяли глубоко верующие люди, старцы, подвижники веры, много юродивых, блаженных, странников. Поэтому, если речь идет о катакомбной перспективе, то там так и было – каждый в отдельности нес апостольское бремя свидетельства о вере.

Источники и материалы

Ленин 1970а – Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 45. М., 1970а. С. 356–362.

Ленин 1973 – Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. ПСС. Т. 24. М., 1973. С. 117–150.

Ленин 1970б – Ленин В. И. Материалы к XI съезду РКП(б) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. М., 1970б. С. 409–419.
ЦДНИ – Центр документации новейшей истории. Ф. 3. Оп. 54. Д. 128.

Научная литература

Ентальцева И. «После того случая я сразу поехала в Москву к мощам Матронушки». Непридуманная история // Фома. 2024. № 2. Июнь.

Жигунова М. А. Роль православного фактора в самосознании и культуре современного населения Западной Сибири // Традиции и современность. 2025. № 43. С. 95–103.

- Кириченко О. В. Верующие коммунисты в советское время // Кириченко О. В., Листова Т. А., Крюкова С. С., Воронина Т. А., Шляхтина Н. В. Границы советского традиционализма. Из опыта русского народа в XX веке. Этнологическое исследование. СПб.: Алетейя, 2021. С. 19–57.
- Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. СПб.: Алетейя, 2020. С. 352–376.
- Кириченко О. В. Святость места, времени и лица в народных текстах // Святости и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / отв. ред. О. В. Кириченко. М.: Наука, 2010. С. 130–154.
- Листова Т. А. Грех, земное и небесное наказание в народном понимании // Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред., сост. О. В. Кириченко. СПб.: Алетейя, 2018. С. 255–364.
- Листова Т. А. Загробный мир в контексте проблемы нравственного воспитания // Традиции и современность. 2016. № 19. С. 43–87.
- Листова Т. А. Интегрирующие возможности православия: почитание Богородицы как проявление духовного единства русского православного и восточнославянского мира (конец XX – начало XXI в.) // Традиции и современность. 2022. № 28. С. 34–59.
- Листова Т. А. Особенности религиозной жизни русских в советское и постсоветское время // Кириченко О. В., Листова Т. А., Крюкова С. С., Воронина Т. А., Шляхтина Н. В. Границы советского традиционализма. Из опыта русского народа в XX веке. Этнологическое исследование. СПб.: Алетейя, 2021. С. 140–252.
- Листова Т. А. Мир святости в народном понимании // Святости и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / отв. ред. О. В. Кириченко. М.: Наука, 2010. С. 285–338.
- Листова Т. А. Святые константы русской культуры в парадигме эсхатологии: XIX – первая половина XX в. // Традиции и современность. 2025. № 41. С. 101–115.

References

- Ental'tseva, I. 2024. «Posle togo sluchaya ya srazu poekhala v Moskvu k moshcham Matronushki». Nepridumannaya istoriya [«After that incident, I immediately went to Moscow to see Matronushka's relics». A True Story]. *Foma 2*.
- Zhigunova, M. A. 2025. Rol' pravoslavnogo faktora v samosoznanii i kul'ture sovremennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri [The Role of the Orthodox Factor in the Identity and Culture of the Modern Population of Western Siberia]. *Traditsii i sovremennost'* 43: 95–103.
- Kirichenko, O. V. 2021. Veruyushchie kommunisty v sovetskoe vremya [Believing Communists in Soviet Times]. In *Granitsy sovetskogo traditsionalizma. Iz opyta russkogo naroda v XX veke. Etnologicheskoe issledovanie* [The Limits of Soviet Traditionalism: From the Experience of the Russian People in the 20th Century Ethnological Research], ed. by O. V. Kirichenko, 19–57. St. Petersburg: Aleteiya.
- Kirichenko, O. V. 2020. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda* [General Issues in the Ethnography of the Russian People]. St. Petersburg: Aleteiya.
- Kirichenko, O. V. 2010. Svyatost' mesta, vremeni i litsa v narodnykh tekstakh [The Sacredness of Place, Time, and Person in Folk Texts]. In *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Sanctities and Sanctity in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study], ed. by O. V. Kirichenko, 130–154. Moscow: Nauka.
- Listova, T. A. 2018. Grekh, zemnoe i nebesnoe nakazanie v narodnom ponimanii [Sin, Earthly and Heavenly Punishment in Popular Understanding]. In *Idealy i palliativy v russkoi traditsii i kul'ture* [Ideals and Palliatives in Russian Tradition and Culture], ed. by O. V. Kirichenko, 255–364. St. Petersburg: Aleteiya.
- Listova, T. A. 2016. Zagrobnyi mir v kontekste problemy npravstvennogo vospitaniya [The Afterlife in the Context of Moral Education]. *Traditsii i sovremennost'* 19: 43–87.
- Listova, T. A. 2022. Integriruyushchie vozmozhnosti pravoslaviya: pochitanie Bogoroditsy kak proyavlenie dukhovnogo edinstva russkogo pravoslavnogo i vostochnoslavyanskogo mira (konets XX – nachalo XXI v.) [The Integrating Potential of Orthodoxy: The Veneration of the Mother of God as a Manifestation of the Spiritual Unity of the Russian Orthodox and East Slavic Worlds (Late 20th – Early 21st Centuries)]. *Traditsii i sovremennost'* 28: 34–59.
- Listova, T. A. 2021. Osobennosti religioznoi zhizni russkikh v sovetskoe i postsovetskoe vremya [Characteristics of the Religious Life of Russians in the Soviet and Post-Soviet Periods]. In *Granitsy sovetskogo traditsionalizma. Iz opyta russkogo naroda v XX veke. Etnologicheskoe issledovanie* [The Limits of Soviet Traditionalism: From the Experience of the Russian People in the 20th Century. An Ethnological Study], ed. by O. V. Kirichenko, 140–252. St. Petersburg: Aleteiya.
- Listova, T. A. 2010. Mir svyatosti v narodnom ponimanii [The World of Sanctity in Popular Understanding]. In *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Sanctities and Sanctity in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study], ed. by O. V. Kirichenko, 285–338. Moscow: Nauka.
- Listova, T. A. 2025. Svyatye konstanty russkoi kul'tury v paradihme eskhatologii: XIX – pervaya polovina XX v.

[Holy Constants of Russian Culture in the Paradigm of Eschatology: 19th – First Half of the 20th Century]. *Traditsii i sovremennost'* 41: 101–115.

ORTHODOXY IN THE CONTEMPORARY LIFE AND DAILY LIFE OF RUSSIANS

Abstract. This article examines the criteria by which Russians determine their Orthodox affiliation in the modern urban environment. The importance of primary ecclesiastical criteria (such as baptism and initiation into the Church through chrismation) is not always taken into account by sociologists today, nor is it always analyzed in matters of confessional attribution. Meanwhile, modern researchers, studying Orthodox religiosity in its practical expression, encounter a wide variety of its manifestations, which are difficult to explain if we rely solely on figures indicating church membership and non-church membership as the main markers for defining the two groups.

Keywords: contemporary Orthodoxy among Russians, church sacraments, baptism, chrismation, everyday manifestations of Orthodox religiosity.

Authors Info: Kirichenko, Oleg V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

For citation: Kirichenko, O. V. 2026. Orthodoxy in the Contemporary Life and Daily Life of Russians. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 44: 63–77

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

